

Епископ
Владимирский
и Суздальский
Евлогий.
Evlogy, the
Bishop of
Vladimir and
Suzdal

Епископ Евлогий: «Мир нуждается в отшельниках»

В тихом уголке древнего Владимира, в приметном деревянном доме на Вишневой улице находится местное епархиальное управление. Небольшую угловую комнату окнами в цветущий сад занимает рабочий кабинет владыки, где, кроме образа Спасителя, есть только стеной книжный шкаф и маленький стол.

Наш собеседник, одетый в черную монашескую рясу, на которой ярким цветком выделяется панагия на золотой цепи, совсем не походит на того облаченного в расшитую бисером ризу архиерея, которого часом раньше привелось видеть на богослужении в белокаменном владимирском Успенском соборе XII века.

Пресвященный епископ Евлогий до своего поставления на одну из самых почетных кафедр Русской Православной Церкви прошел долгий путь монашеского послушания, приняв постриг в Троице-Сергиевой Лавре. Назначенный патриаршим наместником пребывавшего в ту пору в запустении московского Свято-Данилова монастыря, он приложил много сил, чтобы через несколько лет эта древнейшая

столичная обитель поднялась из руин, засияла, как прежде, золотом своих куполов и украсилась дивным колокольным перезвоном. Благодаря стараниям архимандрита Евлогия наладилась здесь образцовая иноческая жизнь, как впоследствии наладилась она и в козельской Оптиной пустыни, настоятелем которой он стал в труднейший период ее возрождения. Благодаря его попечению, был открыт вновь женский Амвросиев Шамординский монастырь, известный далеко за пределами Калужской епархии. Около двух лет назад преосвященный Евлогий возведен в епископский сан. Нынешний архипастырь земли Владимирской и Суздальской одновременно возглавляет Синодальную комиссию по монастырским делам. И поэтому не случайно, что именно ему предложены вопросы о современном положении православного монашества, о проблемах возрождения поруганных и порушенных российских монастырей.

С епископом Владимирским и Суздальским Евлогием встретился наш корреспондент Алексей ТАРУНОВ.

— Ваше преосвященство, в недавние времена жизнь православной церкви старательно замалчивалась, и в силу этого произошло постепенное отчуждение людей от веры, от отеческой церкви. Для нескольких поколений наших соотечественников стало чуждым религиозное сознание, стали казаться ненужными храмы и монастыри, а православные обряды и традиции — утраченными практический смысл. Что вы можете сказать этим людям?

— За семьдесят лет насаждаемого безверия общество потеряло нравственные ориентиры. Неверие в Бога, как в Жизнодавца, есть гордая подмена человеком веры истинной — верой в самого себя, в свои собственные силы, или верой только в людей. Слепленный собою, неверующий человек, не задумываясь, упорно строит свою жизнь на земле, как единственную для себя на ней, прибегая порой к самым различным способам — правдам и неправдам. Ему и в самом деле не совсем понятно, для чего другие люди создают храмы, открывают монастыри и проводят многие часы в молитвах, в чтении Слова Божия, отделяют от себя какие-то материальные блага в пользу бедствующих, живут нуждами ближних. Но убежден, что придет время и у многих сомневающихся и заблуждающихся откроются глаза на мир во всем его Божественном разнообразии.

Наши дни, как мне кажется, наглядно показывают, что без веры в Бога и любви к ближним жить совершенно бессмысленно. Этой высшей, духовной жизни требует сам дух и природа человека, о том постоянно вещает ему совесть. И надо оглядеться вокруг, увидеть, что храмы, часовни, монастыри, украшающие просторы нашего Отечества, как путеводные звезды, несут свой основной глубокий и жизненный смысл. Именно они обращают внутренний взор человека единственно на то, что для него должно быть истинным, прекрасным, действительно богатым, что питает и радует его сокровенный дух, где вечность и истинное блаженство. Таинства нашей церкви, обряды, чины богослужения, совершаемые в храмах, сближают приходящих в него людей с Богом, придают им невидимую благодатную силу Святого Духа — высшее божественное и вечное дыхание жизни.

— Тем не менее весьма распространено мнение, что сегодня не следует преувеличивать роль Церкви. Подорван сам фундамент, на котором зиждился храм православной веры, и теперь памятники церковной культуры, да и саму церковную жизнь с ее застывшими обрядами надо воспринимать не более чем историческую традицию...

— Действительно, революция и массовая антирелигиозная пропаганда, геноцид духовенства повлияли на умы нескольких поколений, сделали жизнь людей менее осмысленной духовно. И все же внешние обстоятельства су-

ществования нашей Церкви, какие бы события ни случались в ее истории — страшные, опустошительные или тихие, благоприятные, — слушают, согласно Промыслу Божию, духовному укреплению, росту и плодоношению. В самые жгучие годы революции, в 1917—1918 годах, когда ломались вековые устои России, неожиданно для всех православных людей, духовенства и особенно иерархов церкви, ничего доброго, казалось бы, не ожидавших от нового времени, появилось чаемое в веках патриаршество, вернувшее канонический облик Русской Церкви и положившее собою начало глубокому возрождению ее жизни. Патриаршество святителя Тихона вошло теперь в историю Церкви, как совершенно особое и неповторимое явление, принесшее самые обильные плоды духа — веры. Сам первоиерарх стал звездой настоящего исповедания православной веры в жуткой обстановке безбожия и гонения на нее. Он начал собою бесчисленный лик новомучеников, украсивших собою небосвод Церкви. Канонизированные недавно святые мученики — святители Владимир Киевский, Вениамин Петроградский и иже с ним, а также благоверная княгиня Елизавета Федоровна с инокиней Варварой — не говорят ли нам об истинном расцвете духовных сил как раз в тот тяжелый период времени Церкви, когда внешне она как будто бы прекращала свое существование.

Да, было у нас в тридцатых-сороковых годах такое положение, когда непосвященные могли говорить о полной ликвидации Церкви. В ту пору не действовало ни одного монастыря, ни семинарии, ни академии. Но Церковь — это не стены, а люди, Тело Христово, она никем и ничем не одолеваема в веках. Она выше мира и поставлена спасать его, несмотря на то, что он враждует и отрицает ее. И в людском горе, в страшной смертоносной войне с Германией, казалось бы, похороненная Русская Церковь предстала перед страдающими во всем своем свете бесконечного добра и милосердия, напомнив всем о Боге, в деснице которого судьбы человечества. Нам ничем не объяснить такого мгновенного расцвета духовной жизни Церкви, возвращения закрытых и разрушенных революцией храмов, монастырей и духовных училищ, какое наблюдалось в послевоенный период, как только высоким ее служением людям всех званий и положений, в самое горячее и трудное время увидевшим в ней свою Мать.

Горе сближает человека с Церковью. Покой, благополучие, упоение одними земными делами тотчас разобщает этот союз, а увлеченность собою бесконечно удаляет от Бога. В послевоенные пятидесятые-шестидесятые годы, когда страна залечила военные раны, мы помним, что наша Церковь снова попала под тяжелый политический пресс, испытанный ранее в годы разрушительной революции. Новая волна безбожия и прикрытого гонения беспощадно обрушилась на служителей Церкви, поставив их в самое бесправное положение. И вот теперь, в наше беспокойное время, все возвращается на круги

своя, и Церковь вновь восстанавливает свое величие в душе народа. Бури времени — не катастрофа для Церкви, несущей в себе свет истины, но особые промыслительные явления, сохраняющие и более ее распространяющие по лицу земному. Церковь Христова не измеряется количеством храмов и монастырей, как иногда ее понимают. Она хранит сам дух вечной жизни, носителями которого являются верные ей люди.

— Вы сказали, что наши дни наиболее благоприятное время обретения веры. Но в реальной жизни мы все чаще становимся свидетелями людского озлобления, открытых конфликтов и даже кровопролития. Как все это соотносится с процессами духовного возрождения, говорить о котором считается едва ли не модой?

— Что бы ни происходило в стране, чтобы ни случилось с нами, ничто не должно бросать нас в отчаяние. Не надо роптать на жизнь, это крошечная ошибка человека. Важно глубже сосредоточиться на своем сознании, искать пути самоусовершенствования. Все жизненные перипетии возникают оттого, что люди утратили ведение жизни, презрели Закон Божий, как объяснение нашего бытия. А он первооснова жизни. Надо обратиться к духовным силам — вере, любви, без которых немислима разумная жизнь. Сегодняшнее неведение некоторых людей очевидно: во зле они видят добро, в добре — зло. Их заблуждение в наши дни налицо, оттого и наблюдаем мы кипение страстей и даже пролитую кровь. В такой ситуации открытие храмов и монастырей в нашем Отечестве и есть та надежда, которая приостановит распространение зла. Храмы и монастыри — это сущие очаги духовности, которые призваны воспитывать в людях уважение к Закону Божию, любовь к ближним.

Новая волна и светлая история восхождения россиян к духовному обновлению своей жизни началась в 1991 году. С их глаз будто спала пелена, улетучилось утопическое убеждение, в возможность достичь полного материального благополучия, ковать которое наш народ призывали столько прошедших лет. Люди стали понимать, что никакие материальные блага, которые нам обещали и которые сулят нам снова, не в состоянии удовлетворить и насытить души. Словно очнувшись, народ с жадной припал к Книге Жизни, к Священному Писанию, к учениям святых отцов Церкви, к житиям святых угодников, которые опять стали путеводной звездой в омраченном грехом мире. Появление разом уже не десятков, а сотен новых храмов, духовных училищ, а также монастырей и скитов, пусть и в неприглядном сегодня виде и состоянии, несомненно надо расценить, как высшее чудо Божие, поистине торжество духа, ничем неугасимого в веках, как прекрасный огонь веры над тем мраком призрачного понимания жизни, которое царило в истекшем семидесятилетии.

— Атеистическая пропаганда, какой бы примитивной мы ее ни считали, сумела навязать стереотип монаха, живущего за счет других людей и при этом постоянно нарушающего проповедуемые заповеди. В иных, даже весьма неглупых, головах, укоренилось представление о монашестве, как о бесполезном сословии. Жизнь в монастыре, в понимании критиков, это пустопорожнее времяпрепровождение, ничего не дающее миру. Как Вы объясняете необходимость практического восстановления института монашества, какая роль в современном обществе отводится монастырю?

— Природа православного монашества совершенно особая, близкая к духу и жизни Святого Евангелия. Суть иноческой жизни заключается прежде всего в отречении от мира и всех дел его, от мира, лежащего во зле, то есть пребывающего в своих низменных страстях. Вот с чего, а не со стен и златоглавых куполов начинается монастырь. Если мир преследует одно — строительство, куплю, продажу, богатство и выгоду и более всего ценит суету, как идола, то монастырь — это совершенно другой мир, мир неземной, где иные, высшие цели жизни, где ведется строительство своей души, как храма Божия, где спасается она от греха, который разрушает ее и ведет к окончательной гибели.

Монаху требуется от мира совсем немного мирского, какой-то минимум. Он сознательно уходит от всякой роскоши, от избытка. Основная пища для него — небесная. Это истина и воля Божия. Инок строит, как архитектор, дом в основном духовный, как вечный, довольствуясь очень скромной обстановкой своей кельи. Смысл монашеской жизни в том, чтобы больше быть наедине с собою, а лучше и точнее сказать, наедине с Богом, как источником высшей и вечной жизни. Келья и молитва учат инока многому, открывают ему новый божественный мир жизни, который делает его действительно счастливым, если не самым счастливым на свете. Говорить, что монах не приносит пользы обществу, равносильно тому, если бы вы, восхищаясь плодами дерева, стали принижать значение корней. Иночество не следует понимать односторонне. За внешней отрешенностью от жизненных сует надо уметь видеть самое ценное и сокровенное — духовное горение души перед Богом, любовь и милосердие к ближним, что делает монаха достойным гражданином общества.

— Число монашествующих в различные исторические периоды было различным. Известно, например, что в дореволюционной России насчитывалось около 1050 православных обителей, а число их насельников составляло десятки тысяч. Существуют ли у Церкви представления о сегодняшних потребностях в иноках? Не угрожает ли нам избыток исповедующих самоотречение?

— Это надуманный страх. Напротив, предстоит много потрудиться, чтобы достичь того

состояния, что было разрушено революцией. Монастырей не стоит опасаться, они не могут вытеснить другие формы общности. Отречься от мира дано не каждому. Род монашествующих — избранный, встать на этот путь тяжело. Самоотречение может произойти только по велению души, которой так или иначе неутоно в обыденном мире.

Сегодня мы стремимся восстановить то, что лежит в руинах, стараемся возвратиться к намоленным истокам, повторив подвиг праотцов, которые для нас являются светочами понимания жизни. Как огонь от огня, как свеча от свечи, взирая на многочисленные примеры святых отцов, мы пытаемся воплотить в себе их понимание веры. Испокон веков люди искали примера в жизни и, вслушиваясь, всматриваясь в окружающий мир, находили его в подвижниках веры, презревших материальные блага и нашедших покой в вечном смирении. Эти подвижники бежали от суеты мира в пустыни и дебри, становились отшельниками. Но мир всегда вспоминал о них и шел к ним, так как чувствовал в них внутреннюю силу. Мир видел, что самоотреченно посвятившие себя Богу люди переставали быть земными — не тот взгляд, не те суждения, не те поступки. И убеждался, что вечность начинается на земле. Так нарождалось монашество и зачинались монастыри. Истинная святость ушедшего от мира заключалась в смирении. Лишь только отшельник слышал о себе как о святом — это служило причиной нового раскаяния и бегства. А мир снова искал отшельника, потому что нуждался в духовной опоре. И в наши дни мир с удивлением вглядывается в инока, постоянно борющегося с собою, со своими страстями, как самым страшным злом. Существование рядом с греховным миром истинных праведников не только оправдывает самое бытие каждой обители, но и делает ее примерной, добрым светочем для окружающего мира. Число их будет таким, какое нужно самим людям.

— Сегодня не надо доказывать, что монастыри были хранителями национальной культуры. Вклад монашества в нее трудно переоценить. Это показывает, что жизнь монастыря не замыкалась в стенах, но оказывала сильное воздействие на мир через паломников. Что искали и что находили они в стенах иноческих обителей? Что привлечет их сегодня?

— Всюду на фоне многострадальной истории нашего Отечества впереди неизменно выступает в своем смиренном величии все тот же образ инока-подвижника, отца жизни духовной, насадителя добра, труда и нравственного объединителя народной жизни, связывающего свой народ нерасторжимыми духовными узами в одну теснослуженную семью. Поэтому столь высоко значение православных монастырей как носителей национальной культуры на Руси. Они совмещали в себе и университеты,

и библиотеки, и музеи, и художественные академии. При монастырях существовали школы и типографии, а значит, неугасимо теплился огонек национальной образованности. Не будет преувеличением сказать, что православные обители целые века руководили духовной жизнью народа, что они — камни в основании здания нашей российской культуры.

Чудотворные образы и мощи святых, хранившиеся в монастырях, привлекали к себе неисчислимые потоки богомольцев. Чтобы возродить полноценную духовную жизнь, мало восстановить внешнюю красоту поруганных стен, надо вернуть туда святых, веками почитавшихся нашим народом. Но главное, восстановить к ним благоговейное уважение, с каким относились к святыням раньше, с каким преклоняются перед ними истинно верующие люди. К сожалению, сегодня мы видим, что люди в своем большинстве часто лишены всякого представления о святоотеческой истории и не понимают значения примера для духовного воспитания и самоусовершенствования. А в этом как раз и заключается сокровенная особенность православной веры, которая всегда призывала руководствоваться в жизни деяниями угодников Божиих, несправедливо опороченных воинствующими атеистами. С возвращения в нашу жизнь светлых примеров, которые предстают перед нами в образе хранимых монастырями святынь, и надо начинать разговор о возрождении духовности всего народа.

Тем, кому дороги намоленные веками святыни, не надо объяснять, что монашествующие живут не ради себя. Их обособленность от мира заключается лишь в том, чтобы духовно созреть в самом себе, обрести необходимое совершенство для более полного служения миру, какое показал в земной жизни Спаситель. И в этом смысле нигде не найти человека более открытого и отзывчивого, чем монах.

Ищущий истины да знает: монастыри по своей духовной природе жизни являются проповедниками высшей христианской добродетели — милосердия к окружающему миру, из которого вышли иноки, отрехшись от него в целях нахождения совершенной и святой деятельности и прежде всего к делу милосердия, как самому очевидному факту духовного сознания жизни.

— Еще вчера казалось, что большинство российских монастырей никогда не возродятся в своем прежнем качестве, в том числе и те, что слыли в прошлом очагами духовности. А сегодня мы замечаем, что там снова затеплилась жизнь, появились их истинные насельники — монашествующие...

— На сегодняшний день число вновь открытых храмов и монастырей превышает все ожидания людей. Уже почти в каждой епархии нашей Церкви появились монашеские обители, скиты и многочисленные приходские храмы,

где возрождается духовная жизнь людей, возрождается даже при самом трудном, а то и разрушенном состоянии этих мест и зданий, потерявших подчас свой благолепный первоначальный облик духовных святынь. Точную цифру действующих обителей ныне назвать затруднительно, не боясь впасть в ошибку. Их список пополняется с невероятной быстротой и несомненно увеличится к моменту выхода в свет вашего альманаха. Можно смело заявить о возобновлении 150 монастырей за последние два года.

Людей сейчас не столько печалит тяжелое физическое состояние церковных памятников, сколько более всего радует полная духовная свобода религиозной жизни. И верующие готовы на многое, на любые трудности ради восстановления дорогих ей реликвий. Восстанавливая разрушенные храмы и монастыри, люди находят в сем священном деле огромную духовную пользу, обучая себя добродетельной жизни, угодной Богу, спасительной для них самих и нужной, ценной для окружающего мира. В возрождении древних памятников — храмов и монастырей — я вижу нечто светлое и радостное, прекрасную пору для тех, кто узрел суть жизни и смысл свой в святости веры.

— Ваше преосвященство! Некогда Владимиро-Суздальская епархия считалась одной из самых богатых в России, превосходила многие как по числу приходов, так и по количеству действующих монастырей. Резиденция Владимирского владыки, как известно, занимала целый дворец, специально построенный в Рождественском монастыре, что в самом центре Владимира. Проходя ныне мимо его стен, мы видим рядом с мемориальной доской, сообщающей о погребении в этом монастыре благоверного князя Александра Невского, табличку с надписью «Комитет государственной безопасности». Надеетесь ли вы на полное восстановление исторической справедливости, на возвращение Церкви всего, что принадлежало ей по праву?

— Непростой вопрос, как кажется на первый взгляд: Справедливо требовать назад все, чего насильственным путем была лишена после революции отеческая Церковь — монастыри, храмы, иконы, богослужебные книги, драгоценную церковную утварь. Но при этом священнослужители и верующие должны сделать все возможное для их сбережения в веках. И меня глубоко печалит конфронтация с музеями, хранящими церковные реликвии или занимающими церковные здания, непримиримость позиций обеих сторон, что омрачает порой светлую радость укрепления веры, что перечеркивает все наши старания. Конечно, сотрудники музеев, реставраторы немало сделали и делают для материального сохранения наших общих духовных святынь. Но что ни говори, они не в состоянии обеспечить цер-

ковным реликвиям духовную жизнь, без которой те теряют всякий смысл. Значит, надо искать согласие, доброжелательно учитывая все мнения, если они продиктованы истинной заботой о конкретной святыне.

Меня обнадеживает, что в нашей епархии взаимоотношения с музеями строятся на все большем понимании друг друга. Мы договариваемся о совместном использовании храмов, представляющих историческую и художественную ценность всего нашего народа, получаем из музейных запасников старые иконы, когда их состояние не вызывает опасений специалистов. Желательно, чтобы процесс восстановления исторической справедливости, а он не сводится только к проблеме взаимопонимания с музеями, не останавливался, а постепенно развивался дальше. Убежден, что недолго ждать того времени, когда нам не надо будет апеллировать к светским властям. Они прозреют сами и без понуждения возвратят в храмы находившиеся там святыни, потому что поймут, для чего они существуют. И вернется православным не только оскверненный владимирский Рождественский монастырь, но и многочисленные храмы и монастыри всей земли Русской. Раз так, то сегодня нет насущней для нас задачи, нежели приближать этот радостный день, неустанно возводя внутренний храм души своей. Без этого невидимого труда всякая архитектура и живопись, даже самая изумительная, не более чем пустой звук. Храмы и монастыри должны войти в жизнь нашего народа как духовные оазисы, питающие всех, кто входит в их ограду и живет их таинствами.

— Не могли бы вы чуть подробнее сказать о возрождении монастырей вашей епархии?

— С отрадой готов сообщить вам, что на Владимиро-Суздальской земле ныне действуют уже 6 православных обителей — 3 мужских и 3 женских. Из мужских более всего известен Боголюбский монастырь близ Владимира, основанный на месте явления особо чтимой в наших краях Боголюбской иконы Божьей Матери, спрятанной ныне в стеклянной витрине городского музея. Теперь в Боголюбове устремляются не только автобусы с туристами, сюда идут алчущие истины и примера в богопослушной жизни иноков. Здесь пока только 8 насельников, среди них единственный в епархии схимник — схиигумен Никодим. Открылся не так давно мужской Благовещенский монастырь в древнем Муроме, где подвизаются 5 монахов. А больше всего монашествующих у нас в возрождаемой Лукьяновой пустыни, что в нескольких километрах от районного города Александрова. Строения этой обители за многие безрадостные годы пришли в плачевное состояние, но на их восстановлении трудятся, исполняя монашеское послушание, 20 иноков.

Женские монастыри, как правило, превосходили мужские по числу пребывающих в них. Не исключение и наше время. В епархии вновь действует женский Успенский монастырь, разместившийся в исторических зданиях бывшей Александровской слободы. Очагом духовности становится также женский муромский Троицкий монастырь, где под водительством примерной и строгой игуменьи Товифы несут послушание 25 инокинь. И все убеждаются, какую полезную роль начинает играть эта обитель в жизни древнего города на Оке, как благотворно влияет она на муромцев. Особо заботит меня задача возрождения истинной духовной жизни в нашем удивительном Суздале. В дни церковных праздников здесь открыт теперь для верующих самый старый и самый большой Рождественский собор в кремле, который в иное время используется для музейного показа. Совсем недавно появились в Суздале пять наших монахинь, новых насельниц знаменитого историческим прошлым Покровского монастыря, по чьему-то неразумению едва не превращенному окончательно в постоялый двор для иностранцев.

Вокруг постепенно возобновляемых монастырей заметно оживляется народ. Люди хотят помогать им всем, чем могут. Ведь и монашествующие, при всей своей отстраненности от мирских дел, не оторваны от временных напастей и невзгод, обрушившихся на наше государство, на его честных граждан. У Церкви тоже далеко не всегда достает средств на восстановительные и реставрационные работы, приходится экономить даже на весьма скромных повседневных нуждах монастырей. Но сильные верой никогда не ропшут, они упорно строят жизнь по своим правилам, вдохновляя слабых своим беззаветным примером. Люди видят, что духовность инока заключена в его поступках, его добрых делах — молитве, вере, любви и милосердии, ибо он прежде всего человек духа, который нарочито ушел от мира, но для мира. Несмотря на все наши нынешние заботы и трудности, монастыри призваны нести глубинное понимание духовности обществу, пребывающему в низменных страстях и грехах. Монашеский подвиг — святое мученичество, проливающее кровь в искоренение человеческого зла.

Покровский
женский
монастырь в
Суздале.
Фото
В. Молина

The Convent
of the
Intercession in
Suzdal. Photo
by V. Monin

- Бог вам в помощь, владыка.
- Да хранит вас Господь.

1992